

Таким образом, на материалах Челябинской области удалось выявить многослойность этнической идентичности российских немцев. Роль основных этнических кодов играют: историческая память, позитивные стереотипы о социальном поведении «типичного» немца, в меньшей степени задействуются традиционные этнические маркеры: праздники, немецкий язык и традиции. В настоящее время процессы трансформации этнического самосознания российских немцев можно условно представить в качестве трех основных моделей:

1) *ассимиляционная* модель включает фрагментарные элементы немецкого самосознания и «русскую» идентичность, как гражданскую, так и этническую;

2) модель *симбиоза* русского и немецкого этнокультурного компонента, приводит к осознанию себя «русским/русским немцем»;

3) *инструментальная* модель, представленная как стремление приобрести немецкую гражданскую идентичность. Данную модель проблематично охарактеризовать в структурном плане, поскольку мотивы миграционного поведения немцев позволяют рассматривать этническую идентичность как инструмент для смены социальной, политической, культурной, экономической среды обитания.

С целью дальнейшего приращении научного знания о российских немцах необходимо создание архивов устных историй, глубинных интервью, систематизация семейных архивов в электронные базы данных, что позволит создать массив источников, которые могут быть применены при анализе ментальности и исторической памяти российских немцев.

Источники и литература

1. *Барабашина, Э.Р.* Об этническом будущем российских немцев: сохранение, трансформация, ассимиляция? / Э.Р. Барабашина // Ключевые проблемы истории российских немцев: Материалы X Международной конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. – М., 2004. – С. 162–176.

2. *Ерошкин, А.* Чтобы немцы не уехали, тоже нужны деньги / А. Ерошкин // Вечерний Челябинск. – 1996. – 13 ноября. – С. 2.

3. *Кирилов, В.М.* Немцы на Урале XVII–XXI вв. / В.М. Кирилов. – Н. Тагил, 2009.

4. *Кирилов, В.М.* Историческая память и самосознание российских немцев (по материалам источников личного происхождения) / В.М. Кирилов // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: Материалы XIII Международной научной конференции. Москва, 21–23 октября 2010 г. – М., 2011. – С. 322–349.

5. *Курске, В.С.* Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев): автореф. дис. ... канд. соц. наук / В.С. Курске. – М., 2011.

6. Личный архив автора. Материалы глубинных интервью и устных историй с российскими немцами. 2013 – 2014 гг.

7. *Матвеева, Н.В.* Российские немцы на Урале: проблемы и перспективы развития / Н.В. Матвеева // Немцы новой России: проблемы и перспективы развития: Материалы II Международной научно-практической конференции. Москва, 7–9 декабря 2009 г. – М., 2010. – С. 69–71.

8. Межнациональные отношения и состояние национальных культур в Челябинске // Возрождение Урала. – 1995. – 30 августа. – С. 1.

9. Национальный состав населения Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) // Госкомстат РСФСР, Челяб. обл. управление статистики. – Челябинск, 1990.

10. Национальный состав населения Челябинской области по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года: Стат. сб. Челябинскстат. – Челябинск, 2005.

11. Объединенный Государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. Р. 233. – Оп. 1. – Д. 479.

12. Свидетельствует статистика // Челябинский рабочий. – 1995. – 9 февраля. – С. 4.

13. *Черказянова, И.В.* Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев и развитие историографии о немецком населении (1990 – 2000-е гг.). / И.В. Черказянова // Этнические взаимодействия на Южном Урале / отв. ред. А.Д. Таиров, И.О. Иванов. – Челябинск, 2009. – С. 184–185.

УДК 94(4+7):94(47)“1800/1914”

А.Б. Агафонова

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор О.Ю. Солодянкина

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-31-01242

Статья посвящена выявлению закономерностей во взаимодействии между городом и природной средой в Соединенных Штатах Америки, Европе и в Российской Империи в течение XIX – начале XX вв. Автор анализирует экологические проблемы городской среды и механизмы их решения органами местного и государственного управления в XIX – начале XX вв.

Город нового времени, загрязнение городской среды, политика органов местного самоуправления, санитарное состояние, экологическая история.

The article is devoted to identifying patterns in interaction between the city and the natural environment in the United States, Europe and the Russian Empire at the 19th – beginning of the 20th centuries. The author analyzes the environmental problems of the urban environment and the mechanisms of their decisions by local and state government in the 19th – beginning of the 20th centuries.

City of modern times, urban pollution, policy of local government, sanitary condition, environmental history.

Исследование санитарно-гигиенических проблем городской среды является одним из основных предметов экологической истории. Значительный вклад в становление и развитие городской проблематики в данной области внесли работы М. Милоси (M. Melosi) [16], [17], Дж. Тарра (J. Tarr) [19], [20] и др. С 1970-х гг. в поле зрения историков окружающей среды находились вопросы бытового и промышленного загрязнения городов; выявление взаимосвязи между процессами загрязнения, распространения инфекционных заболеваний и показателями заболеваемости и смертности горожан; оценка влияния демографических, социально-экономических факторов, а также урбанизации и развития городской инфраструктуры на санитарное состояние территорий; стратегии реализации экологической политики органами муниципальной власти [9], [11], [12], [13]. В отечественной исторической науке экологические проблемы долгое время рассматривались в рамках истории социальной медицины, истории техники и исторической урбанистики [1], но, вместе с тем, в последние два десятилетия возрос интерес к эколого-историческому направлению исследований городской среды [4], [5], [6]. Целью настоящей работы является выявление условий возникновения экологических проблем в городах XIX – начала XX вв., их специфики, а также анализ механизмов решения данных проблем органами местного самоуправления и государственной властью.

Становление капиталистических отношений, интенсивное развитие промышленности и урбанизационных процессов в исследуемый период вызвало качественные изменения компонентов природной среды в черте города, а также трансформацию восприятия горожанами собственных условий проживания. С.П. Хэйз (S.P. Hayes) установил, что для американских городов в первой половине XIX в., как следствие внутренней миграции населения, было характерно перенесение в города социальных практик и образа жизни, сложившихся в сельской среде. Последствия такого заимствования показали, что то, что было приемлемо в просторных условиях сельских поселений, оказалось совершенно недопустимо в городах. Плотная застройка, погребение умерших на территории домовладений, содержание в городах сельскохозяйственных животных в совокупности с примитивной системой утилизации бытовых отходов приводили к частым пожарам, распространению инфекций, регулярному загрязнению городских улиц. Социальным ответом на новые экологические обстоятельства, которые причиняли вред здоровью горожан, явилось законодательное ограничение традиционных практик природопользования [14, р. 71]. Во второй половине XIX в., по мнению С.П. Хэйза, город начинает утрачивать связь с природой. Ухудшение санитарно-гигиенических условий проживания,

вызванное увеличением концентрации населения в промышленных районах, привело к возникновению дихотомии «город как место работы» – «город как место для жизни». Накопление бытовых отходов обусловило модернизацию технологии удаления нечистот посредством отведения их в близлежащие реки ниже городов по течению. Данный период характеризовался попытками установления контроля над распространением заболеваний, улучшением здравоохранения, качества питьевой воды, системы удаления твердых бытовых отходов с территории домовладений и улиц [14, р. 72–73].

Несмотря на то, что эволюционные изменения во взаимодействии американского города и природы были отражены С.П. Хэйзом весьма объективно и выявленные им закономерности вполне характерны и для российских городов, условное выделение хронологических этапов как основа исследования является не вполне корректным даже для Соединенных Штатов в связи с асинхронными темпами развития городов различных типов. В частности, дефицит чистой питьевой воды, с которым первыми столкнулись жители Филадельфии, Бостона и Нью-Йорка, явился причиной модернизации систем водоснабжения уже в начале XIX в. К 1860-м гг. в шестидесяти крупнейших городах Америки имелись гидротехнические сооружения, а к 1880-м гг. в стране насчитывалось 598 подобных систем [20, р. 9]. Следует отметить, что устройство городских водопроводов было весьма дорогостоящим, а доступ к водопроводной воде – лимитированным. Так, рабочие Питтсбурга, где водопровод был проведен в 1828 г., пользовались такой водой из общественных водопроводных кранов, причем один кран мог обслуживать порядка десяти семей [19, р. 514].

С 1850-х гг. вслед за системой водоснабжения началось развитие систем водоотведения, что было обусловлено обострением санитарных проблем и ростом численности населения. В Питтсбурге к 1875 г. было построено около 25 миль труб для ливневых вод, в конце 1880-х гг. началось строительство канализации, которое за счет увеличения объема сточных вод впоследствии привело к загрязнению водоемов, а также к росту числа случаев инфекционных заболеваний (брюшной тиф, лихорадка) [19, р. 515]. Проблема загрязнения атмосферного воздуха в американском городе явилась результатом совокупного влияния процессов урбанизации, промышленного развития и использования в качестве топлива каменного угля с высоким выходом летучих веществ [20, р. 14]. Обеспокоенность общества эпидемиологической ситуацией и санитарно-гигиеническими условиями проживания способствовала становлению санитарной организации и развитию протестной активности граждан против неблагоприятных условий городской среды. Необходимо отметить, что

на развитие санитарии и городского благоустройства в Западной Европе, а затем и в Америке оказали значительное влияние работы Эдвина Чедвика и его последователей, пробудившие в обществе социальное и культурное движение, целью которого являлось изменение представлений социума о нормах чистоты и состояния окружающей среды [20, p. 11].

Подъем протестного движения пришелся на 1890-е гг., когда активистки женского движения, инженеры и врачи заявили о необходимости защиты систем водоснабжения и водных ресурсов от возможности занесения в них возбудителей инфекционных болезней. Ухудшение санитарно-гигиенических условий вызвало ответную реакцию со стороны органов управления: в Питтсбурге в 1868 г. был наложен запрет на использование каменного угля и древесины на железной дороге в черте города, а в 1869 г. – на строительство коксовых печей. В начале XX в. на государственном уровне был запрещен сброс неочищенных сточных вод в водные объекты. Но, как отмечает Дж. Тарр, попытки законодательного регулирования промышленного и бытового загрязнения были неэффективны, поскольку существовавшие практики эксплуатации природных ресурсов были основаны на системе общественных ценностей, ориентированной на производство и материальный прогресс, а не на охрану природной среды [19, p. 540].

В европейских городах основной экологической проблемой до середины XIX вв. являлось биологическое загрязнение хозяйственно-бытового происхождения. А. Корбин (A. Corbin) установил, что политика органов власти в сфере санитарного благоустройства городов, выражавшаяся в очистке источников неприятных запахов, строительстве дорог, мелиорации, очистке выгребных ям и локализации мест складирования отходов, в допастеровский период была направлена на борьбу с миазмами [11]. Господство миазматической теории, согласно которой источником инфекционных заболеваний являлись вредные пары (миазмы), исходившие от загрязненной почвы и стоячей воды¹, вплоть до 1880-х гг. определяло как повседневные практики городского природопользования, так и политику органов власти в вопросах санитарии. В Лейдене, где домохозяйства являлись крупнейшими источниками загрязнения XIX в., попытки ограничить их негативное воздействие на водные объекты и почвы оказывались неудачными. Горожане повсеместно сбрасывали бытовые отходы в каналы, превращая их в сточные канавы, особенно летом, когда те мелели. Меры, предпринимаемые властью, проводились только в случае угрозы здоровью населения. Х. Дейдерикс (H. Diederiks) и К. Юргенс (C. Jeurgens), изучавшие экологическую политику Лейдена в XIX в., пришли к выводу, что отсутствие централизованной власти не позволило голландцам до конца XVIII в. сформировать природоохранное законодательство на национальном

уровне [12]. Кроме того, общество в XIX в. не волновалось о загрязнении природы, поскольку полагало, что окружающая среда как таковая не находится под угрозой [12, p. 175].

«Великое зловоние» 1858 г. в Лондоне заставило Парламент пересмотреть свои взгляды на систему удаления бытовых нечистот и приступить к устройству канализации закрытого типа. Также оно нанесло удар по миазматической теории, поскольку было установлено, что причиной быстрого распространения эпидемии холеры являлось употребление воды из р. Темзы, куда сливались все городские стоки [9, p. 243–244]. В августе – сентябре 1880 г. аналогичная ситуация сложилась в Париже. Опасность распространения эпидемии вызвала всплеск социальной активности парижан: политические дебаты вокруг причин и последствий загрязнения атмосферного воздуха сопровождались радикальным пересмотром взглядов на здоровье человека. На этой волне Луи Пастеру удалось доказать микробиологическую природу инфекционных заболеваний, что явилось переломным моментом в истории санитарии и торжеством бактериологической теории над миазматической. Санитарно-гигиеническая обстановка в Париже способствовала пониманию взаимосвязи между санитарными условиями, заболеваемостью и распространением микробов [9]. Однако не везде эпидемическая опасность являлась стимулом к коренным преобразованиям городской среды. Так, Гамбург был практически уничтожен в результате эпидемии холеры 1892 г. Высокая плотность населения торгового города; загрязнение питьевой воды, вызванное отсутствием системы фильтрации; анитисания и господство миазматической теории в конечном счете привели к утрате городом автономного статуса и заставили присоединиться к Кайзеровской Германии. Политика органов городского управления, направленная на защиту интересов промышленников, возложение на горожан персональной ответственности за возможность заражения, установление в городе карантина, оказалась губительной [13].

Промышленное загрязнение атмосферного воздуха, ставшее ощутимой экологической проблемой в ряде европейских городов во второй половине XIX в., вызвало волну социального протеста. Граждане Йорка неоднократно требовали у местного управления принятия мер по сокращению объема вредных выбросов [10, p. 183–184]. Обращения жителей Лейдена в органы городского управления касались «введения паровых двигателей; вони и пыли; опасности возгорания или взрыва; загрязнения питьевой воды» [12, p. 178]. Кроме того, с широким распространением паровых двигателей горожане ощутили на себе воздействие физического загрязнения, отчего учащались жалобы на шум, производимый этими двигателями. Политика органов власти в отношении промышленных предприятий заключалась в законодательном ограничении их негативного воздействия на окружающую среду. В частности, в Йорке законодательством регламентировалась конструкция печей, позволявшая минимизировать выбро-

¹ Проточная вода любого качества не считалась опасной для здоровья – прим. А.А.

сы загрязняющих веществ в атмосферу. На государственном уровне значимую роль сыграл закон «Об общественном здравии», принятый английским Парламентом в 1875 г. По утверждению Дж. Бреннера, «законодательное регулирование в течение последнего столетия¹ являлось частью общего движения для улучшения санитарных условий городской жизни» [Цит. по: 10, р. 182].

В большинстве российских провинциальных городов основной экологической проблемой являлось загрязнение водоемов, дворов, улиц и площадей бытовыми нечистотами. По своей структуре это было биологическое загрязнение, вызванное отсутствием систематической уборки и утилизации бытовых отходов, неконтролируемым отведением стоков в городские реки и ручьи, неудовлетворительным содержанием выгребных и помойных ям, а также вываливанием их содержимого на близлежащие территории. Причем дискомфорт от антисанитарной обстановки становился все заметнее с увеличением плотности городского населения, поэтому, с учетом специфики российской урбанизации, обострение данных проблем произошло на рубеже XIX–XX вв. в городах, где численность населения превышала 10 тыс. человек.

Проблемы городского загрязнения обратили на себя внимание общественности и нашли отражение, как в медицинских исследованиях, так и в периодической печати [2, с. 31], [8, с. 43]. Существенный вклад в антисанитарное состояние крупных городов вносило промышленное загрязнение [6], [7]. Причем, иногда от фабрикантов в качестве оправдания сброса сточных вод в городские реки можно было услышать весьма оригинальные трактовки «полезных» свойств промышленных стоков, которые посредством едких испарений способствуют очищению воздуха «от зародышей и микробов всякого рода эпидемий» [7, с. 96]. Несмотря на то, что обострение экологических проблем и постоянная угроза эпидемий обусловили становление городской санитарной организации, деятельность санитарных комиссий носила несистематический характер и активизировалась обычно накануне эпидемий [8, с. 49].

Органы городского общественного управления в соответствии с Городовым Положением 1870 г. пытались нормализовать ситуацию и предотвратить чрезмерное загрязнение территории и водных ресурсов путем издания обязательных постановлений по предметам городского благоустройства, призванных законодательно ограничить негативное воздействие на городскую среду. На государственном уровне санитарное законодательство только лишь начинало оформляться и представляло собой совокупность несистематизированных разновременных законов и положений. Но вместе с тем, как отмечает Э.Г. Истомина, увеличение антропогенной нагрузки «привело к расширению законодательной природоохранной практики» [4, с. 265] в исследуемый период. Однако становление данного законодательства сопровождалось

повсеместным неисполнением одного, что, главным образом, объяснялось отсутствием надлежащего контроля за исполнением постановлений [2].

Как показал пример Иваново-Вознесенска, испытывавшего в течение ряда лет серьезные проблемы из-за промышленного загрязнения р. Уводи, фабриканты приступили к их решению, когда загрязненная речная вода начала наносить экономический ущерб производству. Стоит только заметить, что организованная ими система централизованного удаления промышленных стоков выводила их в реку сразу за последней фабрикой вниз по течению, что по большому счету не решало экологическую проблему [7, с. 98]. Технологическая модернизация городской инфраструктуры была чрезвычайно дорога для городского бюджета, а потому во многих городах вплоть до XX в. сохранялись архаичные способы снабжения горожан водой и утилизации отходов. Городские управы без финансовой поддержки Правительства в виде ссуд и займов были не в состоянии приступить к устройству водопроводов [1, с. 6–7]. Примечательно, что зарубежные историки, изучающие санитарные проблемы российских городов, видят первопричину неудовлетворительного состояния последних в авторитарной природе государственной власти, которая явилась источником отсталости Российской Империи в плане развития санитарии и решении экологических проблем [15], [18], отечественные же исследователи полагают, что причиной тому явился низкий уровень общей культуры граждан [2, с. 7], [8, с. 50], а также политика государственной власти, ориентированная на переложение основного груза по реализации и финансированию санитарно-технических мероприятий на органы городского общественного управления [3, с. 281–282].

Таким образом, на основе выявленных закономерностей возникновения экологических проблем в городах XIX – начала XX вв. и механизмов их решения необходимо сделать некоторые обобщения. Во-первых, экологические проблемы проявились себя в условиях сохранения традиционных форм природопользования при значительном увеличении плотности населения. Во-вторых, в условиях неразвитой городской инфраструктуры проблема биологического загрязнения хозяйственно-бытового происхождения была характерна для большинства европейских и американских городов начала XIX в. и для российских городов второй половины XIX – начала XX вв. В-третьих, санитарно-гигиенические мероприятия, предпринимаемые органами городской власти, были вызваны заботой о здоровье граждан и предпринимались с целью предотвращения распространения эпидемий. В-четвертых, законодательное регулирование антропогенного воздействия практически повсеместно явилось естественным ответом общества на качественное изменение внешних условий проживания, но таким же повсеместным являлось и несоблюдение населением данных законов в виду отсутствия четко отрегулированных правоприменительных механизмов их реализации. В-пятых, технологическая модернизация городской инфраструктуры,

¹ Речь идет о 1870–1970-х гг. – прим. А.А.

будучи чрезвычайно затратной для городских бюджетов, приводила не только к решению ряда проблем городского благоустройства, но и к обострению некоторых экологических проблем в черте города. В-шестых, проявление социальной активности граждан в борьбе за комфортные условия проживания было характерно для западноевропейских и американских городов, в то время как в Российской Империи оно практически отсутствовало. Кроме того, решение проблем городского загрязнения являлось не столько технической задачей, сколько результатом синтеза научных, социокультурных и политических представлений о необходимости создания благоприятных и безопасных для здоровья горожан условий проживания.

Источники и литература

1. Агафонова, А.Б. Водоснабжение г. Старая Русса Новгородской губернии в последней трети XIX – начале XX вв.: от подземного источника к устройству городского водопровода / А.Б. Агафонова // Череповецкие научные чтения – 2013: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (6–7 ноября 2013 г.). Ч. 1: Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология. – Череповец: ЧГУ, 2013. – С. 5–8.
2. Агафонова, А.Б. Правовое регулирование и проблемы обеспечения санитарно-гигиенических условий в городах Вологодской и Новгородской губерний в 1870 – 1880-х гг. / А.Б. Агафонова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 31–35.
3. Давыдов, А.Н. Государственная политика по защите окружающей среды от загрязнения в контексте решения демографических проблем в конце XIX – начале XX в. / А.Н. Давыдов // Историческая экология и историческая демография: Сб. научных статей / под ред. Ю.А. Полякова. – М., 2003. – С. 267–285.
4. Истомина, Э.Г. Природоохранное законодательство в сфере благоустройства городов России в XVIII – начале XX вв. / Э.Г. Истомина // Историческая экология и историческая демография: Сб. научных статей / под ред. Ю.А. Полякова. – М., 2003. – С. 256–266.
5. Калимуллин, А.М. Историко-экологический подход в изучении истории города / А.М. Калимуллин // Вестник ТГГПУ. – 2010. – № 3. – С. 122–126.
6. Канищев, В.В. Промышленное загрязнение окружающей среды в городах Тамбовской губ. начала XX в. / В.В. Канищев // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: Сб. ст. / под ред. В.А. Скубневского. – Барнаул, 2005. – С. 225–237.
7. Липатова, О.В. Загрязнение рек фабричными водами во Владимирской губернии в начале XX в. / О.В. Липатова // Экологические проблемы модернизации российского общества в XIX – первой половине XX вв.: Материалы межрегион. конф., Тамбов, 5–6 окт. 2005 г. / отв. ред. В.В. Канищев. – Тамбов, 2005. – С. 95–99.
8. Любина, Т.Ю. Проблема утилизации промышленных и бытовых отходов в городах на начальном этапе индустриализации и урбанизации (по материалам Тверской губернии) / Т.Ю. Любина // Экологические проблемы модернизации российского общества в XIX – первой половине XX вв.: Материалы межрегион. конф., Тамбов, 5–6 окт. 2005 г. / отв. ред. В.В. Канищев. – Тамбов, 2005. – С. 42–51.
9. Barnes, D.S. The great stink of Paris and the nineteenth-century struggle against filth and germs / D.S. Barnes. – Baltimore, 2006.
10. Brimblecombe, P. Air Pollution in York 1850–1900 / P. Brimblecombe, C. Bowler // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. – N.Y., 1990. – P. 182–195.
11. Corbin, A. The foul and the fragrant: odor and the French social imagination / A. Corbin. – N.Y., 1986.
12. Diederiks, H., Jeurgens, C. Environmental Policy in 19th-Century Leyden / H. Diederiks, C. Jeurgens // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. – N.Y., 1990. – P. 167–181.
13. Evans, R.J. Death In Hamburg: Society And Politics In The Cholera Years, 1830–1910. – Oxford: Clarendon Press, 1987.
14. Hayes, S.P. Explorations In Environmental History / S.P. Hayes. – Pittsburgh, 1998.
15. Henze, C.E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823 – 1914 / C.E. Henze. – London, 2011.
16. Melosi, M.V. The Place of the City in Environmental History / M.V. Melosi // Environmental History Review. – 1993. – Vol. 17. – № 1. – P. 1–23.
17. Melosi, M.V. Urban Pollution: Historical Perspective Needed / M.V. Melosi // Environmental Review. – 1979. – Vol. 3. – № 3. – P. 37–45.
18. Smith, A.K. Public Works in an Autocratic State: Water Supplies in an Imperial Russian Town / A.K. Smith // Environment and History. – 2005. – Vol. 11. – № 3. – P. 319–342.
19. Tarr, J.A. The Metabolism of the Industrial City: the Case of Pittsburgh / J.A. Tarr // Journal of Urban History. – 2002. – Vol. 28. – № 5. – P. 511–545.
20. Tarr, J.A. The Search for the Ultimate Sink: Urban Pollution in Historical Perspective / J.A. Tarr. – Ohio, 1996.

УДК 930

К.К. Афанесян

Научный руководитель: директор филиала СКФУ в г. Пятигорске, доктор исторических наук, профессор Т.А. Шебзухова

ЭВОЛЮЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА СТАВРОПОЛЬЕ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСЛОВНОСТИ В ПРИЗРЕНИИ

В данной статье рассмотрен процесс оформления и развития повседневности общественной благотворительности на Ставрополье в контексте реализации принципа сословности в признании. Проведен анализ деятельности Кавказского (Ставропольского) приказа общественного призрения. Подробно исследованы здания, занимаемые богоугодными заведениями Ставропольского приказа общественного призрения.